

Золотые сны души

Музыкально-поэтическую композицию для старшекласников составила **М. В. СПИРИДОНОВА**



Марина Викторовна СПИРИДОНОВА — филолог, член Союза писателей, автор книги стихов «Август ясный». Театр поэзии — ее излюбленный жанр.

*Из заветного фиала
В эти песни пролила,
Но цвы! не красота...
Только лука идеала.*

Эпиграф
И. Ф. Анненского
к его книге стихов
"Тихие песни"

К 145-летию
Иннокентия
Федоровича
Анненского



Иннокентий Федорович Анненский (1855—1909). Фотография 1880-х годов

(Перед началом композиции по желанию организаторов можно провести беседу о жизни и творчестве И. Ф. Анненского.)

Материал для беседы об И. Ф. Анненском

Иннокентий Федорович Анненский, русский поэт, критик и переводчик, живший и работавший на рубеже XIX—XX столетий, родился 20 августа 1855 года в Омске, где его отец, Федор Николаевич Анненский, занимал крупный административный пост советника и начальника отделения Главного управления Западной Сибирью. Своим происхождением род Анненских не был связан с этими краями: и дед, и отец поэта родились и жили в Петербурге, в Сибирь же отец Анненского был направлен по службе. В 1860 году семья возвращается в Петербург.

Анненский рос болезненным ребенком, не играл в шумные игры со сверстниками, много времени проводил за чтением. Среднее образование получал, чередуя обучение в гимназиях с домашним образованием. Большую помощь в этом ему оказывал старший брат, Николай Федорович, человек замечательной образованности и редкой энергии: он экстерном закончил курс юридического факультета Петербургского университета и так же экстерном — курс историко-филологического факультета в Киеве, по роду своей служебной деятельности специализировался в области статистики, первым заложив в России ее основы как науки.

В биографии Анненского важное место заняла и жена Николая — Александра Никитична Анненская (урожденная Ткачева). Эта молодая семья принадлежала к другому миру, чем Анненские-родители, и составляла с ними резкий контраст: там — отец, консервативный чиновник Министерства внутренних дел, здесь — полная сил молодежь, настроенная прогрессивно, в дальнейшем — революционно. Брат Александры Никитичны, Петр Ткачев (1), был народником, Николай Федорович, тоже народник, стал со временем видным общественным и политическим деятелем, подвергался со стороны царского правительства арестам и ссылкам. Брат и его жена оставались для Иннокентия Анненского, несмотря на многие различия во взглядах, интересах и вкусах, душевно близкими людьми в течение всей жизни.

В 1875 году Анненский поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет по словесному разряду. Знания, вынесенные им из университета, были чрезвычайно разнообразны: в дальнейшем он писал как ученый, компетентный в вопросах русского и западно-славянского фольклора, в методике преподавания русского языка, в

античной литературе. Он знал немало языков: французский, немецкий, английский, итальянский, латынь и древнегреческий, провансальский, санскрит, польский и еще целый ряд, всего — четырнадцать. Закончив образование, получил звание кандидата, что давало право остаться в университетских стенах для занятий научной работой, но из-за нехватки средств Анненский отказался от этого пути.

Осенью 1879 года он женился на Надежде (Дине) Валентиновне Хмара-Барщевской, вдове, имевшей двух сыновей от первого брака. Он познакомился с ней двумя годами раньше, когда, еще студентом, занимался с ее детьми в качестве репетитора. Тогда же, осенью, Анненский начинает преподавать древние языки в гимназии Бычкова, одним из лучших частных средних учебных заведений. В дальнейшем он преподавал также в закрытом женском учебном заведении — Павловском институте — и с 1890 года недолгое время читал лекции по теории словесности на Высших женских (Бестужевских) курсах — первом в России университете для женщин.

В 1880 году в семье Анненских родился сын Валентин — будущий поэт-лирик, писавший под псевдонимом В. Кривич и оставивший мемуары о своем отце.

В 1890 году Анненский совершает первое заграничное путешествие — в Италию. В эти же годы начинаются его литературные выступления, пока что в научной печати. Это, в основном, статьи, написанные в помощь учителю.

В 90-е годы Анненский назначается директором в Коллегию Павла Галагана — закрытое среднее учебное заведение в Киеве. В это время он начинает работать как переводчик Еврипида — задумывает перевести и издать все известные трагедии Еврипида с комментариями к ним и сопроводительными статьями. Тогда же он пишет «Педагогические письма», в ко-

торых обосновывает свои взгляды — прогрессивные и во многом новаторские — на ряд важнейших вопросов преподавания в средней школе (роль изучения языков в гуманитарном образовании, эстетическое воспитание, развитие самостоятельности мышления, культура речи учеников). Из киевской гимназии Анненский, не найдший общего языка с руководством, был переведен директором в одну из петербургских гимназий. Здесь он, силами гимназистов, поставил на ученической сцене трагедию «Рес». Спектакль вызвал интерес в артистической и ученой среде. На первом представлении присутствовали Римский-Корсаков (2), Глазунов (3), Балакирев (4), министр просвещения Делянов.

В 1896 году Делянов предлагает Анненскому занять пост директора Николаевской мужской гимназии в Царском Селе. Состоялся переезд семьи Иннокентия Федоровича в Царское Село.

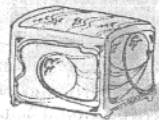
Анненский принимает участие в организации и проведении пушкинских торжеств, связанных со 100-летием со дня рождения великого русского поэта. Им написана кантата «Рождение и смерть поэта». Его речь, произнесенная на празднике «Пушкин и Царское Село», издается отдельной брошюрой. Анненскому было поручено выбрать пушкинские строки,

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ведущая, Поэт (высокий худощавый молодой человек в строгом костюме), **четверо Чтецов** (подростки 12—14 лет, одетые строго и в одном стиле, что позволило бы внешне соотносить их с учениками дореволюционной гимназии).

ОФОРМЛЕНИЕ:

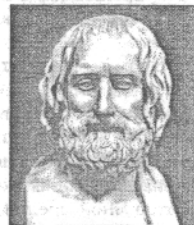
Будильник, часы с маятником в виде лиры, два колокольчика, шарманка, «кипарисовый ларец». Все эти предметы могут быть нарисованы на картоне или плотной бумаге. Желательно, чтобы их внешний вид носил черты популярного для конца XIX — начала XX века стиля «модерн». Кроме того, понадобятся 16—18 трилистников — вырезанных из плотной бумаги фигур, напоминающих листья растений. Они должны так соотноситься с «кипарисовым ларцем», чтобы их можно было оттуда достать.



МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ:

Песня «Октябрь. Осенняя песенка» из цикла «Времена года» П. И. Чайковского, песня «Музыкальная табакерка» А. К. Лядова.

К СВЕДЕНИЮ:



Еврипид (ок. 480 до н. э. — 406 до н. э.) — древнегреческий поэт-драматург, автор трагедий «Медея», «Ипполит».

которые предполагалось высечь на разных сторонах постамента памятного поэту.

После 1900 года служба начинает тяготить Анненского и не только потому, что мешает творческой работе. Это время отмечено резкими нападками либеральной настроенной части русского общества на классическое образование, по их мнению, чересчур затрудняющее процесс обучения. Анненскому, преподававшему греческий язык в старших классах царскосельской гимназии, эта кампания приносила много неприятных переживаний. Но в те годы он службы не оставил — и как принципиальный «классицист», и из любви к своим ученикам.

В первые годы XX столетия Анненский немало путешествует по России и за рубежом: кроме постоянных летних поездок в Смоленскую губернию, в имение жены, он плывет на пароходе по Волге до Астрахани и обратно, проводит две недели в Финляндии, едет с женой во Францию, лечится и отдыхает в Ялте.

В 1904 году Анненский издает под псевдонимом «Ник. Т-о» (Никто) книжку своих стихов «Тихие песни». Изданная невзрачно, на плохой бумаге, она словно была обречена на то, чтобы остаться незамеченной. Тем не менее ее заметили два выдающихся рецензента — Брюсов (5) и Блок (6) — и в целом отозвались о книге положительно.

В эти же годы осуществляется постановка одной из переведенных Анненским трагедий Еврипида «Ифигения-жертва». Спектакль имел успех, но остался эпизодом и не принес Анненскому связей с театральной средой, как и выход книги стихов не принес литературных знакомств. Круг его общения по-прежнему составляют ученые-филологи и педагоги.

Наступил 1905 год, ставший для многих российских интеллигентов испытанием их человечес-

кого достоинства. Во время событий первой русской революции был арестован брат Анненского — Николай Федорович. Это бросило тень и на репутацию директора Николаевской гимназии. Во множестве учебных заведений России тогда происходили волнения молодежи, и царскосельская гимназия не явилась исключением. Анненский не вмешивался в дела своих воспитанников, но во многих случаях считал для себя долгом чести защищать их от нападков реакционно настроенной части администрации. Все вместе стало причиной того, что в 1906 году Анненский был смещен с поста и назначен инспектором Петербургского учебного округа. Эта должность требовала периодических инспекционных поездок, а слабое с юности здоровье Анненского давало уже себя знать.

Покинув квартиру при гимназии, Анненский не покинул Царского Села, сняв большой дом с садом на Павловском шоссе. Он чрезвычайно много пишет в это время. Выходит его первый сборник статей о литературе «Книга отражений» и первый том трехтомника «Театр Еврипида», трагедия «Лаодамия», семь лирических пьес. Анненский заканчивает



Обложка книги И. Ф. Анненского «Кипарисовый ларец»

«ваххическую драму» — «Фамирифаред», занимается поэтическим творчеством.

Инспекционные «ревизорские» поездки он воспринимает как возможность поделиться опытом с подопечными педагогами, оказать им разного рода помощь, и его не только всегда с нетерпением ожидают, но даже специально приглашают учебные заведения округа.

В 1907—1908 годах Анненский пишет и публикует в периодической печати статьи для «Второй книги отражений», которая выходит весной 1909 года, готовит к изданию новую книгу стихов «Кипарисовый ларец».

Анненский возвращается, причем на более высоком уровне, и к педагогической деятельности: он приглашен в качестве профессора на Высшие женские историко-литературные курсы и читает здесь курс лекций по своей любимой специальности — истории древнегреческой литературы.

Художественный критик и журналист Сергей Маковский (сын художника-передвижника Константина Маковского) приглашает Анненского к сотрудничеству в создаваемом им литературно-художественном журнале «Аполлон». Это открывало для Анненского выход к общению с петербургской литературной средой и более широкие печатные перспективы: в «Аполлоне» он мог выступать и как критик-теоретик и как поэт. Для журнала Анненский пишет большую, рассчитанную на несколько публикаций, статью «О современном лиризме» — критический обзор русской лирической поэзии последних лет, содержащий творческие характеристики Брюсова, Вячеслава Иванова (7), Сологуба (8), Бальмонта (9), Блока. Эта статья была напечатана в первом номере «Аполлона» и вызвала обиду некоторых лиц из числа тех, которые в ней упоминались. Обеспокоенный сложившейся конфликтной ситуацией,



И. Ф. Анненский.
Фотография 1900-х годов

Маковский приостановил некоторые из готовящихся новых публикаций Анненского, что в свою очередь обидело их автора и не лучшим образом сказалось на состоянии его здоровья. В это время Анненский, уже не видевший возможности сочетать службу с литературной деятельностью, подает прошение об увольнении с должности окружного инспектора, хотя в его просьбе ни слова нет о полной отставке, что неминуемо поставило бы Анненского в затруднительное материальное положение. Но администрация не упускает возможности свести с ним накопившиеся за последние годы счеты и отдает приказ о полной отставке Анненского. Эта неприятность стала для поэта роковой. 30 ноября 1909 года, возвращаясь домой из Петербурга, он скончался в помещении Царскосельского вокзала в возрасте пятидесяти четырех лет, едва ступив на порог своей литературной известности и славы.

(Беседа целесообразнее всего провести за день-два до того, как учащиеся будут смотреть литературно-музыкальную композицию. Можно также порекомендовать детям самостоятельно прочесть некоторые стихотворения И. Ф. Анненского.)

Поэзия... — только золотой сон нашей души.

И. Ф. Анненский

(На сценической площадке — стол вытянутой формы, покрытый сукном; за ним и по бокам стулья. Звучит пьеса «Октябрь» П. И. Чайковского. На сцене появляются Ведущая и четверо Чтецов. Рассаживаются за столом.)

ВЕДУЩАЯ: О поэте Иннокентии Анненском известно немного. Невелико его эпистолярное наследие, отсутствуют дневниковые записи, противоречивы воспоминания современников. Мы знаем лишь внешние факты его биографии, но и те как-то таинственно ускользают от исследователей, не даются в руки и, даже будучи выявлены, остаются лишь намеками на что-то более значительное и все еще скрытое от взгляда.

Его духовная жизнь шла по какой-то особой колее, иногда словно не связанной с внешними обстоятельствами. В одном из поздних писем он признавался: «Меня жгут, меня разрывают мысли. Я не чувствую жизни... Временами внешнее почти не существует для меня». Таким образом, подлинной биографией поэта является лишь его творчество. Если попытаться представить себе личность Анненского, соединив то небольшое, чем мы располагаем, то главным в ней будет — одиночество. Да, вне всякого сомнения, он был окружен заботой в семье, был ценим и почитаем друзьями, которые еще задолго до того, как к Анненскому пришла литературная известность, уже были поклонниками его таланта. Несомненно и то, что его, незаурядного педагога, все годы любви ученики и коллеги-преподаватели. И все же... Чувством одиночества не только пронизано все его поэтическое творчество. Из переписки Анненского с близкими ему людьми видно,

насколько и сам он ясно осознавал свою «отдельность», неприкаянность, неслиянность с окружающим миром.

Когда вышла под псевдонимом «Ник. Т-о» первая книга стихотворений Анненского «Тихие песни», Блок написал в рецензии о неизвестном ему поэте: «...чувствуется человеческая душа, убитая непосильной тоской, дикая, одинокая и скрытная. Эта скрытность питается даже какой-то инстинктивной хитростью — душа как бы прячет себя от себя самой, переживает свои чистые ощущения в угаре декадентских форм... Хочется, чтобы открылось лицо поэта, которое он как будто от себя хоронит, — и не под наивным псевдонимом, а под более тяжелой маской, заставившей его затеряться среди сотни книг, изданных так же безвкусно и в таком же тумане безвременья...»

Лицо истинного поэта смотрит на нас с немногих дошедших фотографических портретов. Официально-напряженная осанка крупного чиновника, бесстрастность. Но тем более разительный контраст с этим обликом являет взгляд задумчивых глаз поэта, не то устремленный вдаль, не то сосредоточенный на чем-то сокровенном, совершающемся в его душе. Те же «декадентские излишества», за которые автора упрекал Блок, были следствием его увлечения исканиями символизма, вне которых он не видел возможностей воплощения волновавших его сложных мыслей и чувств...

ЧТЕЦ (1): Время от времени мы видели директора в гимназических коридорах; он появлялся там редко и всегда необычайно торжественно.

ЧТЕЦ (2): Отворялась большая белая дверь в конце коридора первого этажа, где помещались старшие классы, и оттуда сперва выходил лакей Арфа, распахивая дверь, а за ним Анненский.

(Звучит мелодия "Музыкальной табакерки" А. К. Лядова. Гаснет свет. Поэт надевает темную накидку, берет в руки палочку — он в этой сцене мимически изображает Мага. Через минуту музыка стихает. Вспыхивает направленный на авансцену свет. Четверо Чтецов поочередно, каждый со своим предметом реквизита, выходят в световой круг и читают соответствующее стихотворение. В целом эта сцена должна создать впечатление "ночи" и "оживания вещей".)

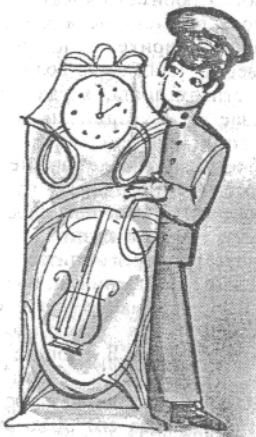
Дела не доделали,
Головы-то целы ли?
Ляду дида надо ли —
Баню баню задали.
Динь-динь-динь, дини-динь...
Из стихотворения
"Колокольчики"



ЧАСЫ С МАЯТНИКОМ

Часы не свершили урока,
А маятник точно уснул,
Тогда распахнул я широко
Футляр их — и лиру качнул.

И, грубо лишенная мира,
Которого столько ждала,
Опять по тюрме своей лира,
Дрожа и шатаясь, пошла...
Из стихотворения "Лира часов"



ШАРМАНКА

Лишь шарманку старую
Знобит,
И она в закатном мленьи мая
Все никак не смеет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.
И никак, цепляясь, не поймет
Этот вал, что ни к чему работа,
Что обида старая растет
На шипах от муки поворота.
Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,

Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя,
не мучась?

Из стихотворения "Старая шарманка" ("Трилистник подвявший")
(Последний Чтец, а за ним и "Маг" уходят. Зажигается свет.)

ВЕДУШАЯ: Внутренней незавершенности стихотворений Анненского, всегда оставляющих простор для мысли, воображения, противостояла почти идеальная композиционная завершенность. Он неуклонно стремился к внешней цельности своих произведений, как будто эта цельность была связана каким-то непостижимым образом с его представлением о гармонии, как будто от нее зависело спасение от внешнего хаоса, разобщенности, одиночества. Может быть, он хотел таким образом распределить поровну гармоническое и дисгармоническое начала творчества, подобно тому, как в мире распределяется добро и зло? Анненский любил "триаду измерений", упорно создавал циклы из своих стихотворений. Его книга "Кипарисовый ларец", вышедшая в свет в 1910 году, уже после смерти поэта, состояла из стихотворений, объединенных в "трилистники" (по три) и в "складни" (по два). Стихотворения в "трилистниках" и сами "трилистники" (их тридцать три) расположены так, чтобы показать многокрасочность мира, непрерывное "перетекание" одного чувства в другое, то есть выразить все ту же любимую

Анненским мысль о незавершенности всего происходящего.

Кончина Анненского в 1909 году поразила современников своей внезапностью. Спустя несколько лет заговорили о том, что поэт опередил свое время. Организационно не связанный с какими-либо поэтическими школами, он, как говорила Анна Ахматова (12), "... шел одновременно по стольким дорогам! Он нес в себе столько нового, что все новаторы оказывались ему сродни". В Анненском видели своего учителя Ахматова, Гумилев (13), Мандельштам (14), Пастернак (15).

(Четверо Чтецов вносят и ставят на стол "кипарисовый ларец". Открывают "крышку". Заучит записанный на пленку голос Поэта.)

ПОЭТ: Я — чахлая ель, я печальная ель северного бора.

Я стою среди свежего поруба и еще живу, хотя вокруг зеленые побеги уже заслоняют от меня раннюю зарю.

С болью и мукой срываются с моих веток иглы. Эти иглы — мои мысли. И когда закат бывает тих и розов, и ветер не треплет моих веток, мои ветки грезят.

И снится мне, что когда-нибудь здесь же вырастет другое дерево, высокое и гордое.

Это будет поэт, и он даст людям все счастье, которое только могут вместить их сердца...

(Голос замолкает. Чтецы поочередно достают из "ларца" трилистники. Каждый, объявив название трилистника и прочитав относящееся к нему стихотворение, дарит трилистник кому-нибудь из зрителей и возвращается к "ларцу", после чего начинается чтение следующий Чтец.)

ЧТЕЦ (1): Из "Трилистника сумеречного". "Свечку внесли".

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же возле иная среда,
Где живем мы совсем
по-другому?

С тенью тень там так мягко
слилась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто...

ЧТЕЦ (2): Из "Трилистника дымного".

Я думал, что сердце из камня,
Что пусто оно и мертво:
Пусть в сердце огонь языками
Проходит — ему ничего.

И точно: мне было не больно,
А больно, так разве чуть-чуть.
И все-таки лучше довольно,
Задуй, пока можно задуть...

ЧТЕЦ (3): Из "Трилистника дорожного". "Сверканье".

Если любишь — гори!
Забываешь — забудь!
Заметает снегами мой путь.
Буду день до зари
Меж волнистых полей
От сверканья сегодня я пьян.

Сколько есть их по льдам
Там стеклиннок — я дам,
Каждой дам я себя опьянить...
Лишь не смюкла бы медь,
Только ей онеметь,
Только меди нельзя не звонить...

ЧТЕЦ (4): Из "Трилистника сентиментального". "Гармония".

В тумане волн и брызги серебра,
И стертые эмалевые краски...
Я так люблю осенние утра
За нежную невозвратимость ласки!

И пену я люблю на берегу,
Когда она белеет беспокойно...
Я жадно здесь, покуда небо
зноино,
Остаток дней туманных берегу...

ЧТЕЦ (1): Из "Трилистника победного". "Любовь к прощлому".

Ты любишь прошлое, и я его
люблю,
Но любим мы его по-разному
с тобою,
Сам Бог отвел часы прибою и
отбою,
Цветам дал яркий миг и
скупный век стеблю.

Ты не придашь мечтой красы
воспоминаньям, —
Их надо выстрадать и дать им
дойти,

Чтоб жгли нас издали
мучительным сознанием
Покатой легкости дальнейшего
пути...

ЧТЕЦ (2): Из "Трилистника бумажного". "Спутнице".

Как чисто гаснут небеса,
Какою прихотью ажурной
Уходят дальние леса
В ту высь, что знали мы
лазурной...

В твоих глазах упрека нет:
Ты туч закятных догорание
И сизо-розовый отсвет
Встречаешь, как воспоминанье...

ЧТЕЦ (3): Из "Трилистника тоскливого". "Тоска припоминанья".

Мне всегда открывается та же
Залитая чернилом страница.
Я иду от людей, но куда же,
От ночей мне куда схорониться?

Все живые так стали далеки,
Все небытное стало так внятно,
И сдвинулись позабытые строки
До зари в мутно-черные пятна...

ЧТЕЦ (4): Из "Трилистника замиранья". "Я люблю".

Я люблю замиранье эха
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истома люблю полосу.

Зимним утром люблю
надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

(Начинает звучать пьеса "Октябрь" П. И. Чайковского. Четверо Чтецов раздают оставшиеся трилистники зрителям.)

ЛИТЕРАТУРА:

Анненский И. Ф. Избранное. — М.: Правда, 1987

БУДИЛЬНИК

Обручена рассвету
Печаль ее рулад...
Как я игрушку эту
Не слушать был бы рад...

Цепляясь за гвоздочки,
Весь из бессвязных фраз,
Напрасно ищет точки
Томительный рассказа,

О чьем-то недоборе
Косноязычный бред...
Докучный лепет горя
Ненаступивших лет...

Из стихотворения "Будильник"



КОЛОКОЛЬЧИКИ

Динь-динь-динь,
Дини-дини...
Дидо Ладю, Дидо Ладю,
Лиду диду ладили,
Дидо Лиде ладили,
Ладили, не сладили,
Диду надосадили.
День делали,

Литература об И. Ф. Анненском

Из книг:

Инокентий Анненский // Мандельштам А. И. Серебряный век: Русские судьбы. — М.: СПб., 1996. — С. 9—14.

Федоров А. В. Инокентий Анненский — лирик и драматург // Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. — Л., 1990. — С. 5—50.

Человек в футляре (Анненский) // Корнилов В. Н. Покуда над стихами плачут...: Кн. о русской лирике. — М., 1997. — С. 206—216.

Из периодических изданий:

Алпатов Т. А. Пушкинский миф Царского Села в лирике И. Ф. Анненского // Литература в школе. — 1999. — № 2. — С. 40—49.

Бек Т. Серебряный век русской поэзии: Силуэт явления // Литература:

Прил. к газ. "Первое сентября". — 1997. — № 21. — С. 14—15.

"Впервые это название [Серебряный век] было предложено философом Н. Бердяевым..."

Беренштейн Е. П. "Просветленная страданьем красота": Поэтический мир Инокентия Анненского // Литература в школе. — 1992. — № 3—4. — С. 14—22.

Верхейл К. Трагизм в лирике Анненского // Звезда. — 1995. — № 9. — С. 208—216.

Костюков Л. Инокентий Анненский // Литература: Прил. к газ. "Первое сентября". — 1997. — № 11. — С. 4.

Костюков Л. Ночь директора: О первом поэте Серебряного века. [И. Ф. Анненский] // Первое сентября. — 1996. — 15 окт.

Кушнер А. "Среди людей, которые не слышат...": [И. Анненский] // Но-

вый мир. — 1997. — № 12. — С. 192—215.

Орлова Н. Инокентий Федорович Анненский // Детская литература. — 1997. — № 2. — С. 49—53.

Панфилов А. Зеркало в лагуны сомнений и совпадений: Путь звезды Инокентия Анненского через 89 лет // Первое сентября. — 1998. — 11 апр.

Смирнов В. "Голос вне хора": Лирика Инокентия Анненского // Литература: Прил. к газ. "Первое сентября". — 1996. — № 26. — С. 1—3. — (Новое в школьных программах.)

Шмидт Т. Тайна перевода: [Сравнение оригинала с переводом: русские поэты переводят Гете] // Литература: Прил. к газ. "Первое сентября". — 1999. — № 32. — С. 4.

Н. Д. ДАВЫДОВА, О. В. КОНОВАЛОВА
ЦГДБ им. А. П. Гайдара, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Петр Никитич Ткачев (1844—1885/86) — один из идеологов народничества, публицист, участник революционного движения 1860-х гг., сотрудник журналов "Русское слово" и "Дело".

(2) Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844—1908) — композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель, член "Могучей кучки", автор опер "Псковитянка", "Снегурочка", "Садко", "Царская невеста".

(3) Александр Константинович Глазунов (1865—1936) — композитор, дирижер, автор многих крупных симфонических произведений, балетов "Раймонда", "Барышня-служанка".

(4) Милый Алексеевич Балакирев (1836/37—1910) — композитор, пианист, дирижер, глава "Могучей кучки", автор симфонических поэм "Тамара", "Русь".

(5) Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) — поэт, основоположник русского символизма, автор книг "Третья стража", "Городу и миру", "Венок", "Огненный ангел".

(6) Александр Александрович Блок (1880—1921) — русский поэт, автор пьес "Балаганчик", "Роза и крест", поэм "Возмездие", "Двенадцать", циклов лирических стихов "Город", "Родина".

(7) Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) — русский поэт, представитель и теоретик символизма, автор книг "Кормчие звезды", "Борозды и межи".

(8) Федор Кузьмич Сологуб (наст. фам. Тетерников) (1863—1927) — русский писатель, автор книги стихов "Пламенный круг", романа "Мелкий бес".

(9) Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942) — русский поэт-символист, автор книг стихов "Горящие здания", "Будем как солнце".

(10) Федор Иванович Тютчев (1803—1873) — русский поэт, автор философских и лирических стихов.

(11) Евгений Абрамович Баратынский (Боратынский) (1800—1844) — русский поэт, автор книги "Сумерки", поэм "Эда", "Бал", многих элегий и посланий.

(12) Анна Андреевна Ахматова (наст. фам. Горенко) (1889—1966) — русская поэтесса, представитель акмеизма, автор сборников "Вечер", "Четки", "Бег времени", цикла стихов "Реквием", "Поэмы без героя".

(13) Николай Степанович Гумилев (1886—1921) — русский поэт, представитель акмеизма, автор книг "Романтические цветы", "Костер", "Огненный столп".

(14) Осип Эмилевич Мандельштам (1891—1938) — русский поэт, представитель акмеизма, автор книг "Камень", "Tristia", "Разговор о Данте", стихотворного цикла "Воронезские тетради".

(15) Борис Леонидович Пастернак (1890—1960) — русский писатель и поэт, автор книг стихов "Сестра моя — жизнь", "Второе рождение", "На ранних произведениях", романа "Доктор Живаго", автобиографической прозы.